

Власти не прекращают масштабное наступление на некоммерческие организации России

25.04.2013

[Новая газета, 25.04.2013](#)

Председатель Комитета «Гражданское содействие» (Региональная общественная благотворительная организация помощи беженцам и вынужденным переселенцам) Светлана Ганнушкина в интервью «Новой газете» рассказала о том, как проходят проверки, и почему НКО не хотят называться «иностранными агентами».

- Светлана Алексеевна, в НКО проходят массовые проверки. На ваш взгляд, для чего нужны эти проверки? Как они происходят?

– Во-первых, эти проверки происходят, как набег, поэтому многие журналисты спрашивают: «У вас уже был обыск?» Хотя никаких обысков нет. Прокурорские работники почему-то не предупреждают о своем приходе, появляются неожиданно. Вот и к нам 27 марта в полдень пришли с проверкой трое сотрудников прокуратуры Москвы в сопровождении одного сотрудника Налоговой службы и одного представителя Минюста. Через два часа к ним присоединился еще и сотрудник столичного УФМС. Пришли внезапно, без предупреждения, но со съемочной группой НТВ, которая почему-то об их приходе знала.

- Это были плановые проверки?

- Повторяю: проверяющие приходят без предупреждения, следом, будто случайно, появляется подлая команда НТВ.

- Чего от вас потребовали?

- Они мне вручили бумагу без названия и определенного правового статуса. Что это – предписание, постановление, письмо – осталось неясным.

От организации потребовали срочно предъявить большой массив документов со ссылкой на ст. 22 Закона «О прокуратуре». При том что в статье 22 речь не идет ни о каких «плановых» проверках, напротив, четко сказано, что прокурор вправе «проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона».

Текст представленного, с позволения сказать, документа гласит: «Во исполнение поручения Генеральной прокуратуры РФ проводится проверка на предмет исполнения действующего законодательства». Что это значит: всего российского законодательства? Или какой-то его части? Какой именно? Похоже, исполнители сами не понимают, что они ищут.

- Что вы предприняли в ответ?

- Я немедленно вручила проверяющим обращение на бланке организации на имя заместителя прокурора Москвы г-на Захарова, подписавшего бумагу, предъявленную нам.

В своем обращении я просила Захарова письменно ответить на два вопроса:

1. На основании какой информации о фактах нарушения организацией закона проводится данная проверка?
2. Какое отношение и какую связь имеет каждый из запрашиваемых документов с имеющейся информацией о нарушении закона, если таковая информация есть?

В обращении также предлагалось согласовывать со мной время проверки, если для нее имеются основания.

Старший прокурор Татьяна Матвеева любезно согласилась передать это обращение г-ну Захарову и расписалась на копии. Надеюсь, подробный письменный ответ будет нам дан в самое ближайшее время, поскольку месячный срок на ответ уже истекает.

– Обращение вы написали в их присутствии?

– Обращение я подготовила заранее, ведь мы же не первые, к кому приходили эти налетчики.

- Что конкретно искали представители прокуратуры?

- Абсолютно непонятно, чего искали, очевидно, что и сами не знали этого. Пришли, заявили, что вот, мол, хотим посмотреть, как вы работаете, но на деле работу нам сорвали. И, разумеется, выяснить, нарушаем ли мы закон, не могли.

У нас на приеме люди со всего мира – из стран СНГ, Афганистана, Сирии, Египта, из африканских стран. Чтобы понять, что мы делаем, не нужно устраивать налеты и приводить с собой группу из НТВ, достаточно прийти и пару раз посидеть на приеме.

Наш комитет, как и любая общественная организация, жизненно заинтересована в конструктивном сотрудничестве с государственными структурами, в том числе с органами прокуратуры. Когда-то мы обжаловали незаконные региональные акты и даже дважды постановления Правительства, и прокуратура нас поддерживала. До последнего времени у нас было вполне конструктивное сотрудничество с ФМС. Кроме того, мы работаем открыто, поэтому мы согласились дать требуемые документы и уже начали это делать. Договорились созвониться через неделю.

Но 4 апреля вдруг после 3-х часов дня нам факсом прислали новые требования. А наутро в наш офис явились два (!) оперуполномоченных ГУВД Москвы из отдела по борьбе с экстремизмом и доставили нам это требование в живом виде.

Нам предлагалось документы в полном объеме по новому списку предоставить в прокуратуру вместе с их заверенными копиями к 5 апреля, т.е. в тот же день.

И весь этот театр абсурда разворачивался в благотворительной организации, чьи стены увешаны грамотами и благодарностями двух президентов России, мэра Москвы и многих других уважаемых лиц.

- Что же вы предприняли?

- Тогда в связи с изменением стиля и содержания работы прокуратуры по проверке нашей организации мы приняли решение приостановить предоставление запрашиваемых документов до выяснения вопроса об основаниях и законности проведения проверки Комитета «Гражданское содействие».

Соответствующее заявление мы отправили в прокуратуру Москвы. А через несколько дней обратились в суд с требованием признать решение о проведении проверки незаконным.

– Кому и зачем нужны проверки?

– Если говорить об обществе, то никому и ни зачем не нужны. Мы работаем в рамках двух законов: это Закон «Об общественных объединениях» и Закон «О благотворительной деятельности». Комитет «Гражданское содействие» - одна из старейших в Москве благотворительных организаций и входит в реестр благотворительных организаций. Так что я не понимаю, почему к нам пришли эти люди.

Но сигнал был подан Владимиром Путиным во время встречи на коллегии ФСБ, когда он заявил о недопустимости иностранного финансирования НКО и указал, что необходимо выполнять новый закон об иностранных агентах.

До этого Минюст упирался, потому что выполнить этот закон невозможно. Он неграмотно составлен. Что это за политическая деятельность, которой НКО не должны заниматься? Любая общественная организация оказывает влияние на ту или иную сферу жизни государства, если эта организация чего-нибудь стоит. И каждая организация стремится влиять на общественное мнение в области образовательной политики, здравоохранения, социальной или миграционной политики. На заседании Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека представитель Минюста Татьяна Вагина, отдувавшаяся за не явившуюся прокуратуру, сказала, что

все это не политическая деятельность. Якобы существует некая «политическая политика» - вот ею заниматься нельзя.

Но это попросту означает, что политической деятельностью будет названа работа любой неугодной НКО.

– Проверки сильно осложняют работу НКО?

– Да, сложности есть. Затруднена работа организаций, подрывается доверие к ним со стороны населения. А когда говорят, что организация - это иностранный агент, у людей появляется страх перед неизвестностью. Страх и недоверие - в этом вся сложность. И чиновники к нам относятся со страхом, т.е. этот закон сразу подействовал как сигнал.

Я знаю случай, когда бездомные отказались принимать помощь благотворительной организации потому, что они считали себя патриотами, пусть и обмороженными и не очень трезвыми, но якшаться с «иностранными агентами» отказались.

Но вот сейчас уже несколько неправительственных организаций объявлены нарушителями закона из-за того, что не вошли в реестр «иностранных агентов». Первая из них Ассоциация «Голос». Но чем занималась эта организация? Она добивалась, чтобы выборы были честными, справедливыми и свободными. Это политическая деятельность? Получается, что власти расписались в том, что они не хотят таких выборов и фактически признаются, что выборы последних лет такими не были. Но это мы и сами знаем.

– Для правозащитников, работающих на Северном Кавказе, такие поиски «экстремизма» опасны?

- Такие поиски бессмысленны. Никакого экстремизма и терроризма подобным способом не найти. Однажды к нам приходили сотрудники ФСБ и спрашивали, обращались ли к нам когда-нибудь боевики? Неужели они думают, что люди приходят и представляются: «Здравствуйте, я боевик»? Абсурд. Тогда нас спросили, а что мы будем делать, если узнаем, что готовится теракт? У меня в этом городе родные, близкие, друзья, мой муж едва не оказался во время взрыва в 2000 году на Пушкинской площади в момент взрыва. Конечно, я как всякий нормальный человек сообщу в правоохранительные органы о готовящемся преступлении, если узнаю об этом.

А на Северном Кавказе тоже идут такие же проверки, и при нашей отчетности по результату выявленных нарушений непременно какого-нибудь «иностранного агента» обнаружат.

- Почему проверки стали проводиться именно сейчас, ведь закон был принят почти год назад?

- Потому что закон не работает. Потому что непонятно, как его применять. Но Путин сказал – надо исполнять!

Власти боятся любого влияния на общество, хотят, чтобы люди зависели исключительно от них. От них получали и физическую и духовную пищу. Это свойство тоталитарных режимов, очень скверный сигнал обществу.

- Какие все-таки могут быть последствия? Ведь ваша организация получает деньги из-за границы.

- Мы, главным образом, получаем средства от Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) и Европейской Комиссии. Но есть у нас и частные спонсоры. Часто спрашивают, получаем ли мы деньги из США? Получаем, небольшие. Это деньги маленькой дружественной организации наших бывших соотечественников, которые уехали из России, но им не безразлична наша жизнь и судьбы людей здесь. В этом году от своих небольших доходов они прислали нам 1950 долларов. Мне совсем не стыдно их получать, и я не откажусь от этих денег. Они также важны для нас, как и деньги, собранные для коптов прихожанами церкви Всех святых на Кулишках. Они принесли примерно такую же сумму и ни за что не хотели назвать свои имена. Мы так и записали жертвователя: Иван Петрович Кулишкин.

- Вы готовы признать себя иностранным агентом?

– Категорически нет! Потому что это ложь. Мы вступаем только в партнерские отношения, но не являемся ничьими агентами.

Недавно я вышла в Интернет, набрала «Иностранный агент – синонимы». Так вот, самый мягкий синоним – шпион. Есть и предатель, и подлец, и изменник... Люди так воспринимают словосочетание «иностранный агент». И я воспринимаю его точно так же. Когда мне задают вопрос, почему вы не хотите стать иностранным агентом, у меня ответ простой: потому что это не правда. Зачем добровольно навешивать на себя ярлык, который совсем не соответствует действительности?

Илез Матиев